

История Иверско-Алексиевского монастыря г. Туапсе

(1907 - 1917 гг.)

Аннотация. В статье на основе анализа архивных материалов Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (РГИА) проведено исследование трагической судьбы Иверско-Алексиевского женского монастыря с. Георгиевское близ г. Туапсе. В течении долгого времени считалось, что все архивные монастырские документы были утрачены в сгоревшем Сухумском историческом архиве. В обозримом пространстве имелось только несколько страниц косвенно указывающих на официальное признание туапсинской обители. По благословию Управляющего Сочинской епархии епископа Германа состоялась экспедиция в РГИА г. Санкт-Петербург с целью исследования имеющихся в фондах Святейшего Синода дел связанных с Иверско-Алексиевским монастырем.

Ключевые слова. Православие, монастырь, церковная жизнь, исторические источники, туапсинская обитель.

В окрестностях города Туапсе между селами Кирпичное и Георгиевское в горах имеются остатки православного женского монастыря. Само село Кирпичное начинает свою историю со времени, когда в этих местах был основан Иверско-Алексиевский женский монастырь. Имеются предания старожилов об этой обители, но важно знать историю этого монастыря.

По Благословию Его Преосвященства Епископа Сочинского Германа, в период с 24 января по 5 февраля 2023г. состоялась поездка в РГИА г. Санкт-Петербург с целью исследования имеющихся в фондах Святейшего Синода дел связанных с Иверско-Алексиевским монастырем с. Георгиевское, посада Туапсе.

Поездка в Санкт-Петербург оправдала наши надежды. Хранящиеся в Архиве письма, действительно представляют огромный пласт информации о жизни не только самого монастыря, но и показывают взаимоотношения церковных и гражданских структур того времени.

Архивные материалы доказывают, что жизнь общины начинается с 1905 года. Именно в этот период возникает идея создания монашеской обители на черноморском побережье. Основатели общины – старец (монах) Софроний,

Мавра Макаровская – начальница, в постриге Мариам, и Ф.М. Макаровский. «Знакомый с Черноморским побережьем старец Софроний, и Григорий Макаровский останавливают свое внимание на долине реки Туапсе, где и покупают у Степана Махинько поселянина д. Георгиевская, в 17 верстах от посада Туапсе, так называемый потомственный участок мерою в 27 десятин.» [1, л. 38].

К 1907 году на приобретенной для монастыря земле уже формируются очертания будущей обители и Мавра Макаровская подает прошение Управляющему Сухумской епархии епископу Кириону (Садзагелову) о преобразовании частного общежития в монашескую общину, на что и получается епископское благословение открыть обитель. Найденные в архиве документы указывают на бывшее притеснение со стороны владельцев арендованных участков, что объясняет передачу Маврой Макаровской в 1910 году права делопроизводства Феодору Макаровскому, ее нареченному брату.

На период с 1907 по 1912 гг. можно смело назвать золотым веком обители. Это время ее бурного роста и молниеносной известности в столице и стране. Судьбой молодой обители, названной в честь родившегося долгожданного наследника престола царевича Алексея, очень близко прониклась Великая княгиня Елизавета Феодоровна.

В Государственном архиве хранится протокольное определение Св.Пр.Синода N- 855 за 30 января 1910 г., в котором указано, что Грузино-Имеретинская контора Св.Пр.Синода ходатайствовала «об учреждении женской общины, с наименованием оной Иверско-Алексеевской в дер. Георгиевке, близ посада Туапсе, Черноморской губ., Сухумской еп., на жертвуемом девицей мещанкой Маврой Макаровской участке земли. Об испрошении высочайшего Его Императорского Величества соизволения на принятие новоучреждаемого общинного участка земли, мерою в 26 дес. 2200 кв.саж., с постройками и инвентарем, жертвуемого строительницей общины Маврою Макаровскою, на обеспечение общины» [2, л. 46].

Торжественное открытие обители состоялось 10 октября 1910г. Владыка Димитрий прибыл в обитель, служил литургию и совершил постриг Мавры Макаровской, с наречением ей имени Мариам и с единогласного всех сестер соизволения избрание ее Начальницей обители. На открытие обители Великая Княгиня Елизавета Феодоровна прислала облачения на святой престол и духовенству. Очевидец этих событий священник Сергей Протопопов оставил нам похвальное письмо изданное типографией Почаевской Успенской Лавры, в котором описывается вся торжественность богослужения и «особенно трогательным представляется пострижение в ангельский образ строительницы матери Мариам, совершенное Епископом на Божественной литургии пред малым входом» [3, л. 18].

Благочинный общины священник села Архипоосиповка отец Николай Смирнов в своей биографической заметке поданной в Святейший Синод характеризует игуменью Мариам как «отличающуюся глубокой религиозностью и строгим благочестием» [4, л. 28].

Историк общины Иван Кривенко в своем очерке благостно отзывается о трудах устроителей: «Юная обитель завоевала добрую славу, ей оказывали поддержку не только друзья устроителей, но и далёкие почитатели Софрония посылали сочувствие и средства. Уверенными шагами опытного строителя шёл Софроний к цели устройства приюта для всех страждущих и обременённых; посещавшие уносили душевный мир, а посещали обитель не только обездоленные странники, но и лица светские и духовные, искавшие отдохновения, сюда же приходили из других монастырей и мятущиеся сёстры» [5, л. 37]

Казалось бы труды устроителей и особенно Мариам, закончены и будущее процветание обеспечено, однако им было уготовано вступить в целую череду непостижимых умом испытаний.

На середину 1912 года приходится начало бедствий молодой обители. 1 мая этого года в обители произошло страшное потрясение. На монастырь произвели нападение разбойники: «Произведя погром в храме и не

удовлетворившись поисками разбойники ворвались в келию игуменьи, у которой потребовали денег. Получив от нее 170 рублей не успокоились и продолжали бранить ее, нанося тяжелые удары. Настоятельница потеряла сознание и сестры обители, припадая к ногам бандитов молили их не убивать матушку, а вместо нее убить их, сестер, за что все получили по несколько тяжелых ударов» [6, л. 15].

По благословению епископа Андрея (Ухтомского) игуменья Мариам передает в собственность обители все имущество на сумму свыше 103 000р., о чем составляется нотариальный договор удостоверенный Туапсинским нотариусом Сименом Степановичем Бородавко 20 июля 1912 года. Иван Кривенко делает вывод, что с момента 1-го погрома от разбойников и со времени передачи обители имущества и начинается та смута, которая сотрясала обитель и привела к ее разгрому.

В августе 1912 игуменья Мариам, не до конца оправившись после перенесенных побоев, по приглашению Великой Княгини Елизаветы отправляется в Москву, назначив на время своего отпуска старшую сестрою Дарию Иванову. Однако, озлобленная отказом в ее поездке в Москву, Дарья Иванова принимает приглашение монахини Митродоры Лебедевой поднять смуту против игуменьи. Требования заговорщиц сводились к обвинению Мариам в самовластии и попустительстве. В доносе указывалось, между прочим, на то, что туапсинская усадьба Макаровского должна принадлежать не ему, а составлять часть имущества Общины – как подворье.

Епископ Андрей дает ход делу и направляет в монастырь следственную комиссию из благочинного о. Николая Смирнова и духовника священника-следователя Порай-Кошица. Эта комиссия не подтвердила обвинений доносчиц Митродоры и Дарьи.

Игуменья Мариам возвращается из Москвы 21 ноября 1912 года. Имея на руках письмо Великой Княгини Елизаветы к новому владыке е.Андрею (Ухтомцев) о рукоположении ст. Софрония во иеромонаха, для пользы обители. Сразу по возвращении из Москвы Мариам и Ф.М. Макаровский занимаются

передачей имущества и земель монастырю и действительно, тогда все было подготовлено для заключения дарственной и документы отосланы епископу.

По стечению обстоятельств, вместе с новым епископом Андреем из Царицына в Туапсе переезжает священник Сергей Краснов. Приняв должность настоятеля Крестовоздвиженского храма г. Туапсе обнаруживает горячее участие в поддержке смутьянок и вместе с ними ездит к еп. Андрею. С появлением этого священника в Туапсе начинаются неустанные, непостижимые для мирян гонения и жестокость по отношению к старцу и к семье Макаровских. С этих пор обитель 60-ти скорбящих сестёр, как бы не существует, гонения принимают личный характер против учредителей.

В феврале 1913 Федор Макаровский едет в Сухум и подает еп. Андрею письменное заявление о передаче просимой усадьбы. При этой встрече еп. Андрей заявляет, что рукоположит старца Софрония во иеромонахи, пишет Мариам, чтобы «бунтарки» либо смирились и испросили у нее прощения, либо оставили обитель. Однако через священника Краснова «бунтарки» получают совершенно иные указания и ведут себя нетерпимо. «Смута только разгорается. В марте 1913 года епископ Андрей запрещает богослужение в обители, что продолжается до Фоминой недели. В апреле по поручению свящ. Краснова другой туапсинский священник Глаголев, привёз в обитель некую г-жу Стригалову, якобы родственницу еп. Андрея, командированную водворить в общине полный мир и благоустройство, а также способствовать восстановлению Богослужения» [7, л. 37]. В итоге, вместо исполнения плана по усмирению обители, произведя общее замешательство и присвоив некую денежную сумму Стригалова исчезла из монастыря. 3 июня 1913 года прибывший в общину епископ Андрей, приказал взбунтовавшимся смириться и покаяться. Старцу предложил, до рукоположения в иеромонаха, жить в своей пустыньке, Феодору Макаровскому в Туапсе, откуда и продолжать заботы об обители. Сразу за отъездом епископа Федор Михайлович пересылает документы дарения усадьбы на утверждение в Сухум. Предписания владыки были в точности исполнены. Но мир не приходил.

С июня по август 1913 года в обители работает ревизионная комиссия. Вместе с благочинным протоиереем Николаем Смирновым в обитель прибыла, по назначению епископа, ревизующая монахиня Моквинского монастыря, Иеронима, произвела расследование и, после двухмесячного пребывания, дала заключение, что в обители царит полный образцовый порядок.

В августе 1913г. устраняется благочинный о. Николай Смирнов (по доносу священника Краснова о 200 рублях полученных от главы Туапсе С. Сорокина) вместо него назначается сам Краснов. Новый благочинный, приняв в обители по акту все дела, поразил сестер своим «словом» произнесенном в храме. Им было заявлено о существовании правой и левой партии и о тяжёлом состоянии обители, вытекающим от несправедливости сестёр и, сейчас же в доме, при обсуждении дальнейшего хода жизни, сообщил начальнице волю владыки – удалять какого бы то ни было священника, могущего явиться в обитель для совершения богослужения.

За несколько дней до оставления Сухумской кафедры, еп. Андрей поручил св. Краснову подыскать на место Мариамы подходящую начальницу. Священник Краснов выбрал Серафиму гостившую в обители.

12 февраля 1914 в туапсинскую общину приезжает новоначенный епископ Сергей (Петров). Им объявляется устранение Мариам и назначение исполняющей обязанности начальницы монастыря монахини Серафимы, а к концу месяца вместо Серафимы назначается монахиня Иеронима. Вместе с назначением новой начальницы в монастырь прибывает епархиальная следственная комиссия в составе священника С. Смарагдова, Илиана и Ильинского. Опрос сестер обители проводился по выбору. Многие сестры были удивлены отказом выслушать их и подают заявление о незакономерности действий этой комиссии, с просьбой допросить их, но безуспешно. 28 марта 1914 монахиня Иеронима, как исполняющая обязанности начальницы обители принимает все имущество монастыря, оказавшееся в большем количестве, чем значилось в описи.

Экзарх Кавказа телеграфирует игуменье Мариам чтобы она не оставляла монастыря, что ее не тронут, но в апреле 1914 епископ Сергей, именем Великой княгини Елизаветы, вызывает Мариам в Москву. В тоже время, в переговорах с Великой Княгиней он намекает, что у Мариам мало монашеского опыта и предлагает направить ее в Ригу. Обрадованная Мариам, надеясь отдохнуть, поехала в Москву, а оказалась изолированной в Рижском монастыре.

16 июня в монастыре проводится новая следственная комиссия во главе со священником Георгием Голубцовым. Жалоба сестер на их пристрастные действия и просьба пригласить представителя гражданской власти не принимается в внимание. Месяцем позже, приехавший в обитель еп. Сергей в церкви обзывал Софрония и Мариам непристойными словами. Обещал «загнать» Ф.Макаровского.

В августе 1914г., после начала войны с немцами, Мариам возвращается в обитель, но ей объявляется Иеронимой предложение еп. Сергия чтобы она немедленно оставила Иверскую обитель, как не терпимая, и ... Мариам оставляет ее. Приказание еп. Сергия поселиться в Каманском монастыре она лишена возможности исполнить, за отсутствием сил.

24 августа 1914 День возведения монахини Иеронимы в сан игуменьи. Предложенный на подпись, сестрам акт об избрании Иеронимы настоятельницей ими не подписан, что ставилось в вину Макаровскому, которого Владыка обещал «до гроба» преследовать. Следствие произведенное черноморским Губернатором Барановским не удовлетворяет еп. Сергия и он едет в Екатеринодар к Генерал-Губернатору. Который, по ходатайству Владыки, делает постановление о высылке Макаровского в Сибирь.

10.10.1914 Макаровский арестован и заключен в тюрьму, по специальному ходатайству о том еп. Сергия.

С ноября 1914 по ноябрь 1915 происходят различные злоключения Ф.М. Макаровского в холодной Сибири. И только после публикации статьи С. В. Сорокина, главы города Туапсе, в газете «Русское знамя», в которой он обвиняет туапсинского священника С. Краснова в революционных настроениях, которые

побудили его разорить православную общину и сослать в Сибирь невинного человека, в 1915г. проводится, по поручению Генерал-Губернатора дознание, установившее полную необоснованность высылки Макаровского. Федор Михайлович в ноябре 1915 года возвращен из Сибири, пробыв там целый год. В феврале 1916г Ф.Макаровский избран в Гласные посада Туапсе и назначен Помощником Туапсинского Городского Старосты.

Первые и последующие посланные в Иверскую обитель комиссии так и не удосужились произвести глубокое расследование. И в основном базировались на показаниях сестер, которые и сочиняли доносы. Об этих недоработках сообщает в своем докладе новый начальник Кубанского жандармского управления Е.Г. Белинский (в должности с ноября 1914 по март 1917гг) [8, л. 90].

Про священника Сергия Краснова он отзывается как о самовлюбленном и нервного устройства человеке. Именно Белинский указывает на внутреннюю потребность С.Краснова влиять на ход этого дела и добиваться осуждения Ф.Макаровского и изгнания Мариам со старцем Софронием. По его мнению, Красновым двигала обостренное чувство поруганной справедливости и протест, выразившийся в ненависти к успехам и, главное возможностям старца Софрония и Макаровских.

В полученных архивных делах имеется полицейская справка [9, л. 10] об осуждении сына Александра Краснова за вооруженное нападение на сторожа лютеранской церкви, произведенное в Казани и экспроприации на нужды революционного движения 20 рублей. За данное деяние сына священника Краснова приговорили сначала к смертной казни, а позже заменили наказание – каторгой на 20 лет.

С. Краснов, узнав о суммах потраченных Феодором Макаровским на приобретение усадьбы в 5500 рублей и о 200-ста рублях полученных благочинным Н.Смирновым от городского Старосты, возмутился и возгорелся жадной отмщения. Наказать «виновных в большем злодеянии» стало смыслом его жизни и источником той энергии, с которой он, при деятельном участии своей супруги, умудрился влиять на двух епископов.

Белинский Е.Г. в докладе Черноморскому губернатору, указывает на преступное происшествие с передачей епископом Сергием священнику С.Краснову агентурных данных проведенной после публикации статьи в газете «Русское знамя» № 205 10 декабря 1914г, проверки на причастность его, Краснова, к вольнодумству. Краснов сильно возмутился и вынес обвинение в клевете в адрес Новороссийского жандармского управляющего. Жена Екатерина Краснова поднимала связи в столице по поводу отстранения полковника Мальдонатова, что и послужило поводом к составлению доклада Е.Г. Белинского.

В октябре 1915 года изгнанные сестры обители составляют коллективное прошение Грузинскому Экзарху архиепископу Питириму о повторном рассмотрении дела игуменьи Мариам и возвращении ее и всех изгнанных насельниц обратно в обитель. Вслед за этим ими подается пространное прошение о реабилитации игуменьи Мариам в Святейший Синод.

На запрос Грузинского Экзарха архиепископа Питирима епископ Сергей донес, что жизнь в обители идет совершенно нормально и спокойно, и что ей никакой разгром не угрожает. Экзарх этим ответом удовлетворился и больше запросов не делал [10, с. 178].

Наступивший 1917 год должен был принести надежды на то, что дело о монахине Мариам будет пересмотрено. В ответ на запрос пересмотра дела на Кавказ для разбирательства конфликта в Иверско-Алексиевской общине был командирован товарищ обер-прокурора Св.Пр.Синода князь Жевахов [11, с. 1].

Настоятель Сухумского кафедрального собора прт. Г.Голубцов в своем дневнике отметил, что был свидетелем встречи князя Жевахова и епископа Сергия и составил рапорт о том, чтобы дело туапсинской обители не решалось по докладу князя, в следствии личной заинтересованности князя. Епископ Сергей, рассмотрев обращение прт. Голубцова, направил в Св.Синод требование о предоставлении объяснения князя Жевахова по содержанию его доклада. Рапорт владыки Сергия был направлен 11 февраля, а через несколько дней после этого началась революция.

По свидетельству протоиерея Георгия Голубцова в Иверско-Алексиевской женской общине за три предреволюционных года (1915-1917гг.) жизнь вполне благоустроилась и обитель стала на твердые ноги; сестер в ней на 1 января 1918 года было 142; в обители царил мир, согласие и очень добрые отношения у сестер между собой и с игуменьей Иеронимой [12, с. 177].

Вывод:

Найденные документы в РГИА и сам факт скрупулезного синодального разбирательства показывают, что обитель была официально утверждена и действовала по всем правилам и уставам того времени. К происходящему в ней было приковано внимание многих важных персон, духовенства, гражданских начальников и простых людей. О жизни общины и происходящих в ней волнения изданы несколько брошюр. Имелось много защитников игуменьи Мариам и старца Софрония, о чем свидетельствуют многочисленные письма направленные епископу Андрею, еп. Сергию, Грузинскому Экзарху, губернаторам и в Св.Синод. Часть разобранного нами материала небольшая, но она проливает свет на происшедшее в обители.

Список источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.276. Л.38.
2. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) архивная справка №4749 от 01.12.22г. Основание: РГИА. Ф. 796. оп. 209. Д. 2466. Л. 33-34; РГИА. Ф. 797. оп. 80. III отделение, 5 стол, Д. 10. Л. 46.
3. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.277. Л.19. Брошюра «Открытие Иверско-Алексиевской общины» Почаев, Волынской губ. Типография Почаево-Успенской Лавры 1911г.
4. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.277. Л.28 Биографическая заметка о настоятельнице Мариам. Священник Николай Смирнов.

5. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.275. Л.37 История и судьба Иверско-Алексиевской общины. И.Кривенко
6. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.277. Л.15.
7. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.275. Л.37 История и судьба Иверско-Алексиевской общины. И.Кривенко
8. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.274. Л.90 Расследование начальника Кубанского областного Жандармского управления полковника Белинского.
9. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА) Ф. 796. О.205. Д.274. Л.10 Справка из дел Казанского Губернского Жандармского Управления.
10. «Российская Церковь в годы революции» протопресвитер Николай Любимов. Крутицкое Патриаршее Подворье. Москва 1995г. стр. 178
11. Архивная справка из Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербург (РГИА) № 4749 от 01.12.2022г.
12. Материалы по истории церкви. Книга 8. Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова стр. 177, 180. Крутицкое патриаршее подворье, Москва 1995 г.